

Елена Никандрова

Прилив

СТИХИ

Елена Никандрова

Прилив. Стихи

«Издательские решения»

Никандрова Е.

Прилив. Стихи / Е. Никандрова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858297-4

Елена Никандрова живет в Нижнем Новгороде. Это ее четвертая книга. В сборнике представлены новые стихи, а также стихи прошлых лет.

ISBN 978-5-44-858297-4

© Никандрова Е.
© Издательские решения

Содержание

1. Недавние стихи	6
Священный женский мир	6
День города	7
Летний саммит	8
Четверги	9
Три гувернантки и дитя	10
Не верить в лето	11
Сонное	12
Янский месяц	13
Кальвадос	14
Нижний	15
Взгляды	16
Ко мне пришел	17
Ждать чуда	18
Сочельник	19
Ода игристому	20
В маленьком городе	21
У нее в холодильниках	22
Гадать на пуговицах	23
В эйфории	24
Анданте	25
Потому что	26
Мужское и женское	27
Гибискус	28
В шкатулках	29
Врозь	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Прилив Стихи

Елена Никандрова

© Елена Никандрова, 2017

ISBN 978-5-4485-8297-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Недавние стихи

Священный женский мир

Священный женский мир: на плечиках наряды —
Для офиса, в театр и те, что в бёдрах жмут;
В коробках туфли спят и сумки, с ними рядом
Косынки/пояски, закрученные в жгут.

Священный женский мир: воланы, рюши, складки,
В шкатулках россыпь бус, мерцание камней;
Прозрачную вуаль колышет запах сладкий,
И каждый узелок хранит секрет о Ней.

Священный женский мир: кувшины, вазы, штофы,
На стенах акварель и вышитая гладь, —
Он где-то по краям отбелен и заштопан,
Но силится следы укрыть от лишних глаз.

Священный женский мир: обманчивый и странный,
То буднями зажат, то розами увит.
На кухонном столе – для разных блюд приправы,
У зеркала духи – приправы для любви.

День города

Над городом летал воздушный шар,
Не круглый, а с фигурой дирижабля.
И музыка менялась каждый шаг.
Старинные костюмы, ружья, сабли —

Прошел драгунский полк. И вслед за ним
Танцо'вщицы вспорхнули мотыльками.
Случайно, с губернатором самим
Попали мы под вспышки фотокамер.

Был день роскошный! Правда, ровно в три
Пролился дождь пузырчато и дерзко,
Но вмиг исчез, гуляющих взбодрив,
А городу добавив больше блеска.

Манил нас, руки-ноги не щадя,
Не мог угомониться шумный праздник.
По улицам водил и площадям,
Доказывал, что мы еще горазды.

К полуночи чуть было не померк,
Но тут же всех заставил удивиться:
На небе разразился фейерверк,
Букеты звёзд роняя нам на лица.

Летний саммит

Выходит длинноногий дождь
И под окном шумит часами.
Он – предводитель, гу'ру, вождь.
Он открывает летний саммит.
А высший круг – собрание туч
И молний дерзких ассамблеи —
Сигналят городу: мы тут!

Июль так рано сентябрееет,
Хотя не стар еще, не стар,
И дарит лилии невестам.
Но ливень с пеною у рта
Ему указывает место.
А тот на солнечном луче
Повис и куст черники нежит.
Он точно знает время «че»,
Но от дождя в секрете держит.

Четверги

Нас утешает эта зелень,
Но дождь твердит,
Что нет суббот и воскресений,
Есть четверги.

Должно случиться что-то после,
Но день померк.
А завтра снова будет послан
Такой четверг,

Который много обещает,
Но это – ложь:
Нас расстреляет из пищали
Вояка-дождь.

Четверг вчера, четверг сегодня.
Четвертый день
В текущем лете очень моден.
Салют – воде!

Три гувернантки и дитя

Одна из них дурманит, та – морозит,
А эта – «листья желтые летят»:
Три женщины – весна, зима и осень.
И лето – непослушное дитя.

Мы женщинам прощаем все на свете:
Поплачет, посмеется – ерунда!
Но эти три заботятся о лете —
От завязи до сладкого плода.

И что растят нам нынче гувернантки?
Ребенок не улыбочив и плаксив,
Он носит вместо сланцев и панамки
Болоньевую куртку и носки.

Звучит не так, и лишнее надето —
Так мальчика играет травести.
Как будто бы не мы проводим лето,
А лето нас готово провести.

Не верить в лето

Чужим не следуем советам,
Ходить не любим по врачам.
И даже так – не верим в лето,
Тепло включая по ночам.

Спешим на чартерные рейсы
Билеты выгодно купить.
Слетает поезд-лето с рельсов
И загоняется в тупик.

Шепнув «прощай» июню-плаксе,
Июль не ждем – мы на борту.
А он придет и скажет: «Здрасьте!»,
Катая вишенку во рту.

Сонное

Поднадоевшая метель
Накроет дом вуалью белой
И, завершаясь мягким «эль»,
Вильнёт хвостом – ушла по делу.

А дом застынет в тишине,
Безделью сонному предавшись.
Поняв, что вьюги больше нет,
Мой дом, не то ещё выдавший,

Весь превратится в колыбель,
Делясь на кельи-комнатушки,
На окнах грея голубей,
Взбивая тёплые подушки.

«Не уезжай, не уезжай», —
Споёт, окутывая ленью.
И тут же эхом: «Очень жаль».
И: «Сожалею, сожалею».

Янский месяц

Треть окна заштрихована инеем.
Чайник курится «белым ключом».
Настроение кухонно-зимнее
Преподнёс нам январь-новичок.

От рождения будучи слабеньким —
Мелкий дождик да мокрый снежок —
Он, окрепнув за долгие праздники,
Ледяными ветрами обжёт.

Янский месяц, вперёд и со знаменем —
В самый раз начинать и решать.
Но в ответ выдаёт подсознание
Свой вердикт – торопись не спеша.

А морозам – спасибо отдельное!
Их реальные цели ясны —
Неспроста же друг друга одели мы
В поцелуи, объятья и сны.

Кальвадос

Ну что с того, что в доме все удобства?
Лечить хандру, задабривать декабрь
Живым огнем и рюмкой кальвадоса
Еще в какие! принято века.
Сегодня ветер и плохие сводки,
А три-четыре месяца назад
Не снились нам ни яблочная водка,
Ни искорки каминные в глазах.
Тогда, домой являясь с жару, с пылу,
Едва ли успевая отдохнуть,
Кричали мы: «Так много яблок было!
Получится из них хоть что-нибудь?».
На карликах-деревьях крупный штрейфлинг
У крепкого ствола и там, и тут
Отламывал натруженные ветви,
Подпоркой не считая тонкий прут.

От медно-золотистого напитка
Стихает и тревога, и метель.
Ползет зима – ленивая улитка,
Укутывая в ночь короткий день.

Нижний

Рассевшись на горке, разлегшись на стрелке,
Ногами на север, в огнях – голова,
Он смотрит, как жмутся великие реки
Боками друг к другу, кроят рукава.

Восьмое столетие пульсирует сердце
За красной стеной с часовым у ворот
И жизнь раздает по сосудистой сетке —
По венам шоссе, альвеолам дворов.

Откосы ступенями тянутся в небо,
Трамвайчик рогатый по кругу бежит.
Голодные краны почти ежедневно
В домах-новостройках клюют этажи.

Разлегшись на стрелке, рассевшись на горке,
Со снегом красив и с цветением вишни —
Мой город, записанный в паспорте Горький,
Мой город, зовущийся коротко Нижний.

Взгляды

Вот женский взгляд – он без меня не сможет
Найти носки и разогреть еду,
Сменить белье постельное на ложе
И порошками вылечить недуг.

Он не отыщет в дебрях антресолей
Свой инструмент, кого-то там кляня,
Не разберет, чем перчат и чем солят,
И не завяжет галстук без меня...

И взгляд мужской – чуть что, она заплачет,
Ей все не так, и вещи – по местам.
В ее глазах я вечно буду – мальчик.
Но за нее я голову отдам!

Ко мне пришел

Ко мне пришёл прощаться год,
присел на стул и вынул папки.
И начал в строчку «итога»
вносить какие-то поправки:

– В графе «доходы» есть прирост?
И сумму точно укажите!
А я сказала:
– С гулькин нос,
да как у всех – я средний житель.

А вот расходы возросли —
налоги, пошлины и штрафы.
Год уходящий сразу сник,
считая сводные затраты:

– Я, извините, не хотел,
у нас бывают перекосы.
Тем более, что мой удел
быть не простым, а високосным.

А в личной жизни?
– Хорошо!
– И со здоровьем?
– Слава богу!
– Ну что же, я тогда пошёл —
для счастья нужно-то немного.

Ждать чуда

Ждать чуда долгих десять дней,
Гадать на картах и на звездах,
В кофейной чашечке на дне
Искать ответы на вопросы.

Ждать чуда десять вечеров,
Ночей, понятно, тоже десять.
Все ожидания в чулок
Сложить и празднично повесить

За пять минут до волшебства,
Всего за несколько мгновений,
Считая мысленно: «Раз... два...».
И на «двенадцати» – поверить...

Сочельник

Ольге

Фонарь стеклянный из Икеи
Был принесен сто дней назад.
Он примостился в уголке и
Не попадался на глаза.

Пустой фонарь, – внутри для свечки
Имелось место у него, —
Он ждал, когда настанет вечер,
Когда наступит ночь... И вот,

Возник в квартире запах ели,
В окно ударила пурга.
Упало с чьих-то губ: «Сочельник».
Неспешно тонкая рука

Фонарь поставила к постели.
И ароматная свеча
Зажглась в его стеклянном теле,
Чтоб осветить... чтоб освещать...

Ода игристому

Откроем «Крымское», «Ламбуско»,
Полусухое или брют.
Кружок лимона – на закуску.
Салют прощальный – декабрю.

Вино игристое игриво
Бежит из горлышка в бокал.
И красных кижучных икринок
Блестят округлые бока.

И тает долька шоколада
На языке, а не в руках.
И за окошком канонада
Не успокоится никак.

В бокалах пенится, клокочет
Вина задорная душа.
Давай остаток этой ночи
Допьем с тобой на брудершафт!

В маленьком городе

В маленьком городе сумерки-вечер,
Сумерки-утро и сумерки-день.
Всё безыскусственно: взгляды и речи,
Дым из трубы, в палисаднике ель.

В маленьком городе чистят дороги,
Топят дровами, пекут пироги.
Люди друг другу желают здоровья
И поделиться спешат дорогим.

В маленьком городе звон колокольни
Слышен повсюду, до крайних домов.
Греют коты под собой подоконник,
Лают собаки на звуки шагов.

В маленьком городе ставится тесто,
Свечи горят, накрывается стол.
В маленьком городе празднично-тесно,
Как и положено быть в Рождество.

У нее в холодильниках

У нее в холодильниках пачки, брикеты
Пересчитаны, втиснуты в стенки коробок.
Самый главный начальник – короткое лето.
Самый стойкий противник – сады-огороды.

Остановка поблизости делает прибыль.
Покупатели разные – взрослые, дети.
Вдруг мелькнет от усталости: «Мимо прошли бы.
Что за радость в мороженом? Дайте присесть-то!».

А на улице очередь, чуть ли не ссора.
«...Шоколадное кончилось, мелочь ищите...».
В павильончике тесном, наверно, под сорок,
Но пломбира не хочется ей, продавщице.

Гадать на пуговицах

Гадать на пуговицах: куколка, балетница...
Искать «секретики» под камнем и кустом,
Смотреть как бабушка в углу кому-то крестится,
Ходить по лету в сарафанчике простом.

Считать, что могут всё испортить парикмахеры:
Опять под мальчика, а нужно, чтоб – коса.
Медведя плюшевого прятать в шкаф от страха и
Канючить утром: «Не пойдём сегодня в сад?».

Читать не азбуку, а столбики газетные,
И, разучившись спать в режимный тихий час,
Мечтать о том, чтоб разрешили шестилетней – мне
Пойти с косичкой и портфелем в первый класс.

В эйфории

В эйфории, почти что в нирване
Подбираю себе гардероб:
Юбки-блузки лежат на диване
Применительно к методу проб
И ошибок, ботинки из замши,
На платформе и без – сапоги,
Мягкий шарфик, шанелью пропахший —
Я оденусь не хуже богинь.
Вот еще – капюшон или шапка?
Рюкзачок или сумка-баул?
В куртке – простенько, в шубе мне жарко.
А на ша'рфе котенок заснул,
Перепутав, наверное, с пледом.
Есть другое кашне, но не в тон.

Это я собираюсь за хлебом.
Далеко ли? Да здесь, через дом.

Анданте

Стояло пианино у окна,
Старинное, оформленное чу'дно.
И все, кто заходили в гости к нам,
К нему спешили в первые секунды.

И каждый раз, откинув чёрный клап,
Из клавиш извлекали что попроще,
А музыка родиться не могла —
Здесь требовался опытный настройщик.

Вздыхало пианино в уголке
Ослабленными струнами... Когда-то...
Когда всё это было, где и с кем —
И «форте», и «легато», и «анданте»?

Расстроено, расстроено теперь,
Забыты вечера, беседы, танцы.
Но кто-то же играл, играл и пел,
По клавишам скользили чьи-то пальцы.

Потому что

Потому что мы становимся старше,
Увеличиваем мелкое – стеклом.
Потому что в этом доме батареи
Не дают необходимое тепло.

Потому что завихрений, полнолуний
Избежать, как ни стараешься, нельзя.
Потому что мы не будем как Полунин
С телефоном объясняться: «Асисяй!»

Потому что – в ту же воду... те же грабли...
Нет страховки от ошибок и обид.
Потому что, строя собственный кораблик,
Умудряемся его же и топить.

Мужское и женское

Мужское дело – быть масштабным.
Наперекор любой зиме
По перелескам, по ухабам
Ходить за тридевять земель.

И, если ставки, то большие.
Иметь убежище, коня.
И территорию расширить,
И от набегов охранять.

А дело женщины – незримо
В его присутствовать делах.
Быть кроткой, но неузвимой.
Кормить и ложе застилать.

И дело женщины – пытаться
Стоять подальше от руля.
Самой природой: взглядом, танцем,
Да чем угодно – вдохновлять.

Гибискус

Двенадцать месяцев не цвёл
Гибискус (или просто ро'зан).
Был реже весел, чаще квёл,
Во всём искал себе угрозу:
В палящем солнце за стеклом,
В холодном воздухе из щели...

«Он любит влагу и тепло
И не выносит помещений
Неосвещённых, сквозняков,
Неравномерного полива».
Тогда сказала я: «Легко!»,
А продавец: «Хороший выбор!»...

Но тот не цвёл, а зеленел.
Он становился изумрудным.
И ветки всё длинней, длинней.
И разрастались листья крупно.
Я так ждала пусть одного,
Пусть небольшого, но бутона.
Цветок стоял, смотрел во двор
И оставался однотонным...

И вдруг! Пришёл февральский день,
Прихорошившись как на кастинг,
И высветил среди ветвей
Махровый, алый, языкастый —
Похож на розу, на пион,
На мотылёк и чудо-птицу...

Но как же догадался он
В твой день рожденья распусться?!

В шкатулках

Храню воспоминания в шкатулках,
Запутавшись, что раньше, что потом.
Здесь церковь разорённая – в Катунках,
И в Чкаловске – последний дедов дом,
Где груша плодоносит так же щедро,
Как десять или двадцать лет назад,
Когда у самовара шли беседы,
Шумел за дверью яблоневый сад.
Субботний пар, клубящийся у бани,
И бабушкин (на праздники) платок,
И чёрные лепёшки с отрубями,
И карточки для русского лото,
И розовая пенка от варенья,
И вышивка на пяльцах по канве —
Всё это оживает на мгновенье,
Едва приоткрывается конверт.
В шкатулках деревянных им комфортно —
Так память продлевает службы срок —
Обрезанным фигурно старым фото
И письмам, говорящим между строк.

Врозь

Я так люблю, когда мы врозь,
Когда не слышат стены-уши
Моих сентенций, вздохов, просьб,
И в доме верхний свет потушен.
Молчит экран, один лишь звук —
Часы отмеривают время
Соединений и разлук,
Уходов наших, появлений.
Ничто не движется внутри,
И, кажется, застыли тени.
Идут часы – двенадцать, три...
С тобой не шли они – летели.
С тобой сплошная карусель
Открытий, страхов и восторгов,
Гостей незваных и друзей,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.